

Мы познакомилась в Государственном музее Востока, где ею было представлено 50 живописных и графических работ. Алла Александровна Андреева в мир искусства пришла давно. Она родилась и всю жизнь прожила в Москве за минусом тяжелейших лет ГУЛАГа. Ее дебют в качестве театрального художника состоялся в ГУЛАГовском спектакле «Урок дочкам» И.С. Крылова. Выйдя на свободу, Алла Александровна участвовала в целом ряде выставок, но где находятся многие ее работы, она не знает...

Все представленные на выставке монгольские и памирские зарисовки она подарила музею.

— Мои работы очень просты, — говорит Алла Андреева, — я ни в коей мере не принадлежу к авангарду. Более того, не принадлежу ни к одной школе, ни к какому течению. Это — принципиальная установка.

Я просто художник и работала им, пока видела свет. Но я категорически против отношения к искусству как к самовыражению. Я никогда не смела пользоваться тем, что Господь мне дает в пейзажах, натюрмортах, людях для этого. И я стремлюсь передать красоту мира, глубину человека, гармонию и прелесть складок и предметов. Радость от того, что я увидела в Монголии, от немислимого величия Памира, где испытываешь ощущение близости к Богу.

— Среди восточных зарисовок, которые вы назвали «Земля, открытая Богу и Небу», выделялся пейзаж, где были изображены горы Северного Кавказа. Это была картина «Горячий Ключ», написанная маслом в 1958 году. Давайте вспомним ее.

— Она была моим последним подарком мужу — Даниилу. Мы приехали с ним в Горячий Ключ, когда он был смертельно болен. По его просьбе в день его рождения — 2 ноября 1958 года я, поднявшись на гору, зарыла рукопись «Розы мира» в эмалированном бидоне и написала пейзаж, где она зарыта. Там она и осталась навсегда. Мы вернулись домой, где 30 марта 1959 года Даниил умер. Лес разросся настолько, что рукопись уже не отыскать. А книга вышла и напечатана по 1-му экземпляру. В свои предсмертные месяцы Даниил сказал мне, что горы будут иметь большое значение в моей жизни художника. Жизни без него не представляю ни как человек, ни как художник. Это было огромное счастье, даже когда мы надолго были с ним разлучены. Для каждого человека оно свое, и не существует общечеловеческого понятия счастья. Мне всегда были интересны мужчины, строй их души, но Даниил среди них выделялся, встреча с ним была для меня большой радостью.

— Вы дополняли друг друга? Или умели любить?

— Не задумывалась об этом. Просто была в любви счастлива.

— Мне все-таки кажется, что это потому, что вы понимали и дополняли друг друга. Мне очень понравилось, как вы читали на вечерние стихи Даниила Андреева, понимая их сердцем...

— Я не считаю, что я это делаю очень хорошо, хотя другие исполнители делают это хуже. Его стихи написаны для мужского голоса. И я их читаю по его принципу, как он их читал. Однако он это делал перед узким кругом людей. Мне же приходится делать эстрадные поправки, так как я выступаю перед большой аудиторией.

Мы с Даниилом оставались всегда мужчиной и женщиной. В то время как сейчас во всем мире, на мой взгляд, происходит трагическая вещь. Женщины спятили, сошли с ума и хотят сравняться с мужчинами. В то время, как они равноценны, но не равны, а это очень серьезная разница. Равенство — это оранжевые жилеты, надетые которые женщины таскают шпалы. Подобное равенство было в лагере. Моя подруга по несчастью Анна Никоновна, будучи там плотником шестого разряда и строя соцгород — пригород Челябинска, сорвала позвоночник. Господь создал мужчину и женщину, и лишь вме-

сте они составляют то, что надо. В наш век, когда женщина курит, пьет, матерится, их даже внешне трудно отличить друг от друга. Если женщины перестанут окончательно быть самими собой, мужчины перестанут быть мужчинами.

— А как относился к женщине Даниил Андреев?

— Абсолютно по-рыцарски. Но и много от них требовал. Не любил, когда женщины курили. А после войны, когда он вернулся с фронта, жили мы бедно в доме с печным отоплением, где бывало холодно. Поэтому однажды я накупила на плечи его шинель. И он вдруг закричал: «Сейчас же снимите! Нет ничего более ужасного, чем женщина в военной шинели. Достаточно я насмотрелся на это...» Это тоже его отношение к женщине.

— У вас в доме немало старинных вещей. Вы, наверное, сохранили личные вещи мужа, чтобы продолжать с ним диалог?

— Действительно, порой я дорожу какой-то ерундой, связанной с моими дорогими сердцу воспоминаниями. Однако свитер Даниила отдала человеку, которому было холодно. Подобным образом поступила и с курткой. Человеку нечего было надеть — и он ушел от меня в куртке Даниила. А есть личные вещи, с которыми расстаться не могу. Даже смешно...

— Насколько объективны «миры», о которых написал Даниил? Каждый ли способен в них проникнуть?

— Когда я читаю «Розу мира», у меня никакого сомнения в существовании этих миров нет и даже в том, что они как-то участвуют в нашей жизни. Но далеко не каждый способен там побывать, да и не стоит к этому стремиться. Даниилу были даны эти

Алла АНДРЕЕВА:

«Я СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА»

Лит. Россия. — 1997. — 1 авг. — с. 5

знания, за что он заплатил своей жизнью. Остальным надо ходить в православный храм.

— Сейчас, как вы знаете, многие маги стремятся научить нас оторваться от действительности, выйти из своего тела. Как вы к этому относитесь?

— Очень плохо, потому что это вредно и страшно. Не стоит к этому стремиться: может последовать расплата, как сам Даниил заплатил за «миры» жизнью. Но это был его долг.

— Мне это тоже понятно. Не могу пока разобраться в другом: как вера в «миры» сочетается с вашим истинным православием?

— Это мне совсем не мешает. И даже меня удивляет, отчего иные священники так обрушились на «Розу мира». Я думаю, что виноваты в том не они, а те психи, которые плохо прочитали «Розу мира», мало что там поняли, но по-своему начали ее трактовать (на моих выступлениях подобное тоже бывало). Поэтому я хочу объяснить, что нельзя рассматривать «Розу мира» как богословское сочинение. Существует единственная книга — Святое Евангелие. Существуют творения отцов Церкви. Существуют молитвы, написанные святыми. И есть явления культуры, в числе которых сочинения Лермонтова, Достоевского, Вл. Соловьева. В том же ряду надо рассматривать творчество Д. Андреева, в том числе и «Розу мира». И оставить его в покое, если человеку не дано его понять.

— Вы верите в преемственность поколений?

— Потомственное этическое воспитание — важная вещь. У крестьян строжайшее соблюдение правил и традиций имело многовековую историю. Крестьянство было фундаментом страны, поэтому, когда Сталин «сломал становой хребет русского народа», он знал, что делает. Что особенно страшно — исчезло понятие греха, которое было сильно развито в народе.

— Алла Александровна, вы почему-то начали с крестьянства, а не с интеллигенции, к которой вы, на мой взгляд, принадлежите?

— Что такое интеллигенция, на которую все так надеются, а она, похоже, «много о себе понимает»? Я всегда считала, что раз я художник, значит, ремесленник. Скрипач — музыкант. Есть писатели, инженеры, физики.

— Продолжим разговор о будущем страны, на которое вы, как мне показалось, смотрите с оптимизмом?

— Что будет дальше — я не знаю. Через очень страшные вещи проходили, и еще нам предстоит пройти. Но я верю, что Россия будет. От советского времени нам осталось постоянное ожидание руководящих указов. Но идти к добру должен самостоятельно каждый по найденной им самим тропинке. И тогда Господь нас соединит. Матер Божья Державная, взявшая власть над страной, не даст России погибнуть. Не может такого быть!

Еще две тысячи лет назад мы получили все указы — Заповеди Христовы. Но и тут у меня как у жены Даниила Андреева свой взгляд на вещи. Я считаю, что заповеди, которые получил Моисей от Бога, вовсе не религиозные, а закон, который должен исполнять каждый, чтобы бы человеком. А религиозные — это Заповеди Блаженства...

— А ваше другое, не менее жестокое испытание — наказание ГУЛАГом? Как вы к нему относитесь?

— Слава Богу! Я уверена, что если бы Даниил не попал в тюрьму, то не было бы «Розы мира», не было б его стихов и всего творчества. Если б я сама не попала в лагерь, я не сумела б его понять. Оттого, что у нас с Даниилом были параллельные дороги, это нам помогло в жизни. Но были разными воспоминаниями военных лет. Порой я его спрашивала: «О чем ты задумался?» А он отвечал: «Не надо. Оставь». И я догадывалась, что это касается лишь его. Это — словно закрытые комнаты в доме. Поэтому надо

отойти от запертой двери... Зато когда мы встретились после десяти лет его тюрьмы и девяти лет моего лагеря, то нам показалось, что мы не виделись всего полгода...

— Я понимаю, что жестоко об этом просить, но расскажите немного о своей лагерной жизни. Как вы там жили? Занимались ли творчеством?

— Я работала художником, то есть выполняла различные поручения, в основном писала плакаты. Особенно запомнился один: «Все силы отдадим труду!» Над ним хохотал весь лагерь, вопрошая: может, себе что-нибудь можно оставить? Это была работа руками, а рядом лежала тетрадка с ролью и стихами. Это была самодеятельность — наша жизнь...

— И что же вы ставили?

— Поскольку нашими грязными руками мы не имели права дотрагиваться до советской литературы, мы своими преступными руками трогали Пушкина и Шекспира, например...

— И что из этого получалось?

— Мы поставили «Два веронца» Шекспира, «Цыгане» и «Сцену у фонтана» Пушкина. Я сделала монтаж из «Евгения Онегина» и читала его в течение 25 минут. В ту пору я не знала правил, что так долго этого делать нельзя — стихи должны перебиваться музыкой. Я не знала и читала, а изголодавшиеся по поэзии люди внимательно слушали...

Мы очень много пели. Вспоминали романсы. Ставили народные танцы: не только русские, но и эстонские, латышские, украинские, гуцульские и другие. А моя знакомая, отбывавшая срок в лагере в Инте, вспоминала, как они по памяти оперы ставили. Это тоже была наша жизнь...

— А кто сидел в зрительном зале?

— Зрителей было немало, ведь нас в нашем лагунке в мордовских лесах находилось около двух тысяч, а артистов на сцене всего 15 — 20.

Алла АНДРЕЕВА. Памирская зарисовка. 1983 г.

Первые ряды занимало начальство, которому скучно было в такой глуши, а мы помогали ему культурно развлечься и развиваться. Не закончить я хочу рассказом о своем сегодняшнем горе, которому вы вдруг захотите помочь?

— Что же вы, Алла Александровна, называете этим словом после всего вами пережитого?

— Мы считаем, что в Москве должна быть установлена мемориальная доска Даниила Андреева. Она уже готова и представляет собой великолепное произведение искусства, созданное скульптором В.А. Евдокимовым. Мы ее даже постарались освятить, так как в этом году Вербное Воскресенье совпало с именинами Даниила — днем Даниила Переяславского. В течение двух лет мы не можем пробиться к Ю.М. Лужкову. Мы считаем это недоумением. По-прежнему надеемся, что доска памяти на Литературном институте появится со временем: ведь ходатайствуют об этом Министерство культуры и лично Сидоров, Фонд культуры и лично С. Михалков, Архитектурное управление, Ученый совет института и многие другие. Так неужели все безнадежно?..

Беседу вел
Антонина РЫЖОВА